

**СПАРТАНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ
В СОЧИНЕНИЯХ РАНИХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ**

*А. Ю. Братухин
(Пермь)*

О принадлежности богов или героев к тому или иному народу христианские апологеты говорят неоднократно. Цели, которые при этом преследуются, весьма разнообразны. В сочинении «К язычникам» (II 8, 5; ср.: *Апологетик*, 24, 8) Тертуллиан, называя Атаргатис сирийцев, Келестис африканцев и многих других малоизвестных богов, пытается доказать, что они не могут претендовать на божественность как раз из-за этого своего свойства. Климент Александрийский в «Увещевании к язычникам» (39, 2-3) перечисляет аргосского Плешивого Зевса, афинскую Афродиту Гетеру, сиракузскую Афродиту Прекраснозадую и других богов, которых позорят их прозвища. Далее Климент говорит о зооморфных египетских божествах, чтобы показать, что боги, которых чтут эллины, еще хуже (39, 5-6). Часто указываемая «национальность» бога или богини призвана подтвердить их человеческое происхождение. Климент, например, пишет о трех Зевсах (двух из Аркадии и одного с Крита), пяти Афинах (среди которых есть афинянка и египтянка), шести Аполлонах (среди которых есть критянин и аркадец) (*Увещевание...*, 28, 1-3), так как «упоминания об отечестве и ремеслах <...> избличают их носителей как людей» (там же, 29, 1)¹. Тертуллиан несколько раз подробно останавливается на собственно римских божествах, подчеркивая при этом их ущербность, для того, чтобы опровергнуть веру язычников в то, что набожность

¹ Далее Климент говорит, что, по мнению Эпихарма, Арес был спартиатом, по мнению Софокла – фракийцем; некоторые же считают его аркадцем (*Увещевание...* 29, 2).

римлян по отношению к отеческим богам принесла им мировое могущество². Имена спартанских богов и героев также появляются на страницах церковных авторов. При этом отнюдь не всегда говорится о их лаконском происхождении.

Диоскуры, сыновья Зевса и жены спартанского царя Тиндарея Леды³, родившиеся в Спарте⁴ и считавшиеся ее заступниками, были популярными божествами. Они рассматривались как защитники моряков, боги цирка (*dieux du cirque*), созвездие, покровители торговли, целители⁵.

В трактате «О зрелищах» (11, 3-4) Тертуллиан пишет: «Скажу <и> о месте⁶ <проведения игр> как об общем месте: в искусстве мусическом, Минервином, Аполлоновом, а также Марсовом, вступая в борьбу под звуки трубы, соревнуются на стадионе, который и сам является храмом того идола, чьи празднества на нем справляются. А гимнические искусства создал пример Касторов и Гераклов, и Меркуриев⁷ (sed et gymnicas artes Castorum et Herculum et Mercuriorum

² Ср.: Heck E. Mē theomachein oder: Die Bestrafung des Gottesverächters: Untersuchungen zu Bekämpfung und Aneignung römischer religio bei Tertullian, Syriani und Lactanz//Studien zur klassischen Philologie. Frankfurt am Main, Bern, New York, 1987. Bd. 24. S. 54 ff.

³ Иустин, говоря о некотором сходстве между учением христиан и языческими мифами, среди прочих детей Зевса называет родившихся от Леды Диоскуров (*Первая апология*. 21). Афинагор, критикуя попытки аллегорического объяснения мифов, недоумевает, какое отношение Европа и бык, лебедь и Леда имеют к земле и воздуху, чтобы Зевсово соитие с ними могло интерпретироваться как соединение земли и воздуха (*Прошение о христианах*. 22). Разоблачая Зевса, Климент Александрийский наряду с Семелой и Ганимедом упоминает Леду (*Увещевание... 37, 2-4*).

⁴ Климент Александрийский пишет: «Патрокл-фуриец и Софокл Младший в каких-то трагедиях рассказывают о Диоскурах. Диоскуры эти были смертными людьми, если только можно верить Гомеру: “Гея уж их приняла в животворное лоно в Лакедемонии родном, в милой сердцу земле их отчизны”» (*Увещевание... 30, 4*; ср.: *Илиада*. III, 243-244).

⁵ Masquelier N. Rénates et Dioscures//Latomus. 1966. T. 25. Fasc. 1. P. 88. Перечисляя пути, которыми распространяется человеческое заблуждение, Климент Александрийский замечает, что люди, «не имея понятия о Боге, ниспославшем благоденствия, выдумали каких-то спасителей Диоскуров, отвращающего беды Геракла и врача Асклепия» (*Увещевание... 26, 7*).

⁶ Выше речь шла о происхождении игр; цель Тертуллиана – доказать, что все, что касается зрелищ, греховно, так как связано с языческими богами.

⁷ Имена мифологических персонажей часто стоят у Тертуллиана во множественном числе: Юноны, Цереры, Дианы (*Апологетик*. 13, 9); Ромулы (*Апологетик*. 21, 23; *О венке*. 12, 2); Либеры (*О душе*. 25, 8); Аполлоны, Минервы, Меркурии (*О зрелищах*. 10, 9). Таким образом он желал, вероятно, их унижить, в отличие, например, от Катулла (3, 1): *Veneres Cupidinesque*.

disciplinae prodiderunt). Разные виды состязаний обозначены здесь не своими названиями, а именами богов, которым они посвящены. По мнению Стефана Освенцимского, данное место надо понимать следующим образом: «общее ристалище является местом многих разнообразных агонов; одному покровительствуют Музы, другому – Минерва, третьему – Аполлон, четвертому – Марс. Не лишены патронов и состязания атлетов. Покровителем одного является Кастор, другого – Геркулес, третьего – Меркурий»⁸. Последний, по мнению Освенцимского, протезировал тем пяти видам гимнастических упражнений, которые перечисляет Исидор в своих «Этимологиях» (XVIII 18, 1) – saltus, cursus, iactus, virtus atque luctatio (греческий pentathlon) – как более легким; pagkraton, состоявший из борьбы и кулачного боя, как более тяжелый мог быть посвящен Геркулесу. Кулачным борцам покровительствовал кулачный борец Поллукс⁹, названный автором «по ошибке или из-за небрежности (errore quodam aut negligentia), или по другой причине» «Castores»: говоря о состязаниях in stadio, Тертуллиан не мог иметь в виду конные ристания, патроном которых был Кастор¹⁰. Ошибся ли здесь Тертуллиан, был ли небрежным, или этого христианского писателя, назвавшего кулачного борца Поллукса именем его старшего брата, стоящим во множественном числе, можно считать продолжающим традицию, использовавшую иногда эту форму по отношению к обоим героям¹¹: если Кастор и Поллукс – «Касторы», то и Поллукс в некотором роде «Кастор»? Тертуллиан в уже цитированном трактате «О зрелищах» говорит (8, 3): «Ставят в честь Касторов яйца¹² (ova honori Castorum adscribunt) те, кто не краснеет, веря, что близнецы родились из яйца от Юпитера, превратившегося в лебедя»; во второй книге «К язычникам» (15, 1) полагает, что «Касторы (Castores) и Персей, и Эригона так же должны быть удалены с неба, как и отрок (Ганимед. – А.Б.) Юпитера»; в «Апологетике» (22, 12) при перечислении ложных действий демонов упоминает phantasmata Castorum – «явления Касторов». В девятой главе «О зрелищах» (2) Тертуллиан называет каждого из близнецов их собственными именами: «<...> эту идею (использования коней на

⁸ *Oświęcimski S.* De scriptorum Romanorum vestigiis apud Tertullianum obviis quaestiones selectae//Polska akademia umiejętności. Archiwum Filologiczne. 1951. № 24. S. 78.

⁹ См.: Аполлодор. *Мифологическая библиотека*. III 11, 2.

¹⁰ *Oświęcimski.* Op. cit. P. 79.

¹¹ См.: Плиний Старший. *Естественная история*. XXXIV. 23; XXXV. 27. Христианин Минуций Феликс в «Октавии» пишет об этих близнецах: «Касторы попеременно умирают, чтобы жить» (22, 7).

¹² См.: *Quinn-Schofield W.K.* Ova and Delphini of the Roman Circus//Latomus. 1966. T. 25. Fasc. 1. P. 99-100.

играх. – А. Б.) приписывают Кастору и Поллуксу, которым, как учит Стесихор, коней дал Меркурий». Тот факт, что Стесихор действительно писал об этом, подтверждается другим свидетельством. В *Etymologicum magnum* (s.v. *Kyllaros*)¹³ в духе «народной этимологии» дается следующее объяснение имени одного из этих коней: «Киллар: конь Кастора. Имя произведено от глагола *kellein* – “гнать”. Означает “быстрый”. Стесихор в своем сочинении “Агоны в память Пелия” говорит, что Гермес дал <Диоскурам> “Флогия и Гарпага, быстрых жеребят, рожденных Подаргой, | Гера же – Ксанфа и Киллара”»¹⁴. Итак, в девятой главе трактата «О зрелищах» Тертуллиан сообщает, что Поллукс вместе с Кастором слывет изобретателем конных состязаний¹⁵, а через несколько страниц, в одиннадцатой главе, он объявляет «Касторов» (вместе с «Геркулесами» и «Меркуриями») вдохновителями «гимнических искусств». Создается впечатление, что Тертуллиан вообще не дифференцирует функции сыновей Леды. В четвертой книге «Против Маркиона» (10, 7) он смешивает не только «специализацию» братьев, но и их происхождение: «<...> речь будет идти о двух отцах, Боге и человеке, если мать не будет девой. Ведь будет иметь мужа, так что не является девой; а, имея мужа, даст двух отцов тому, кто сын и Бога, и человека. Такое, пожалуй, рождение мифы приписывают Кастору или Геркулесу». Обычно сыновьями Юпитера (соответственно от Леды и Алкмены) считались Поллукс и Геркулес, в то время как Кастор и Ификл – сыновьями смертных супругов названных женщин¹⁶. Может показаться, что Тертуллиан следует здесь, как и в книге «О зрелищах» (8, 3), той версии мифа, согласно которой оба близнеца были сыновьями Юпитера¹⁷. Однако надо учесть, что он называет таковым лишь Кастора. Велик соблазн отнести путаницу в сочинениях

¹³ См.: *Greek Lyric. Stesichorus, Ibycus, Simonides and others*/Ed. by D.A. Campbell. Cambridge, Massachusetts and London, 1991. Vol. III. P. 60-61.

¹⁴ Вергилий в «Георгиках» (III 89-90) говорит, что Киллар был укрощен амиклейцем Поллуксом (*talis Amyclaei domitus Pollucis habenis | Syllarus*). Схолиаст на это замечает, что, по словам Алкманы, Нептуном Юноне были даны кони: Киллар и Ксанф. Киллара получил Поллукс, Ксанфа – его брат, ведь Киллар был конем Поллукса (*Syllarus enim equus fuit Pollucis*). Однако обычно Киллар считается конем Кастора. См., напр.: Стаций. *Фиваида*. IV 215; VI 328-329; Марциал. *Эпиграммы*. IV 25, 6. О причине отступления Алкманы от традиции см.: *Зайцев А.И.* «Гимн Диоскурам» Алкманы и его эпические источники. Автореф. дисс. ... канд. филолог. н. Л., 1969. С. 9-13.

¹⁵ Феокрит заявляет, что оба они конники, кифаристы, борцы, певцы (22-я *идиллия*. 23-24).

¹⁶ См.: Аполлодор. *Мифологическая библиотека*. III. 10, 7; II. 4, 8.

¹⁷ См., напр.: Феокрит. 22-я *идиллия*. 1: «Мы прославляем двух сынов (использован дуалис. – А. Б.) Леды и эгидодержавного Зевса» и 212-213; см. также: Первый Ватиканский мифограф. I. 77, 2; III. 1, 64.

«О зрелищах» (11, 3) и «Против Маркиона» (IV 10, 7) на счет невнимательности и плохой памяти Тертуллиана, на которую он ссылается в книге «О идолопоклонстве» (4, 5): «И что еще мне, человеку, не отличающемуся хорошей памятью (*modicae memoriae homo*), добавить?» Обращает на себя внимание тот факт, что имя Кастора (или Касторов) встречается у Тертуллиана шесть раз, тогда как имя Поллукса – всего один, причем там, где имеется ссылка на Стесихора, что позволяет предположить несамостоятельность христианского автора в данном месте. Выше уже было сказано о двух вариантах мифа о рождении Диоскуров. В «Илиаде» (III 243-244) говорится о том, что обоих братьев скрывает земля; у Павсания (III 18, 14; 24, 7) они названы сыновьями Тиндарея¹⁸. И хотя «Тиндаридом» порой называется и «сын Зевса» Полидевк¹⁹, а «Тиндаридами» – «те, которые родились от Олимпийца»²⁰, все же можно констатировать существование еще одного, третьего, рационалистического варианта данного мифа. Не случайно Климент Александрийский в «Увещании...» (30, 4) использует упомянутые выше два стиха «Илиады» для доказательства того, что Диоскуры были людьми. Возможно, существовали и другие версии. Тертуллиан едва ли пребывал в неведении относительно многочисленности вариантов мифа о Диоскурах²¹. Недаром Иероним в 70-ом письме (5) восклицает: «Кто образованнее Тертуллиана, кто остроумнее?» (*Quid Tertulliano eruditius, quid acutius.*) На то, что Тертуллиану были известны разные версии, указывают его сообщения то о рождении от Юпитера обоих *братьев* (*О зрелищах*, 8, 3), то только одного (*Против Маркиона*, IV 10, 7). Однако далеко не всегда он приводит в одном месте все известные ему сказания о каком-либо боге, герое или празднике в его честь. В отличие от Климента Александрийского, который часто руководствовался правилом «чтобы никто не предположил, что я по незнанию упустил это, я добавлю <...>» (ср.: *Увещание*... 47, 7), Тертуллиан более экономен на примеры из мифологии, приводя их только тогда, когда этого требует поставленная в данном сочинении цель²². Ни в одном из шести процитированных

¹⁸ Ср. Овидий. *Метаморфозы*. VIII. 301-302.

¹⁹ См., напр.: Аполлоний Родосский. *Аргонавтика*. II. 41-43.

²⁰ См.: Гомеровский гимн XVII «К Диоскурам». 1-2.

²¹ Тертуллиан, написавший в сочинении «О прескрипции <против> еретиков» (39, 4): «один мой родственник среди прочих досугов своего пера составил комментарии к “Пинаксу” Кебета в форме вергилиевских центонов», по рождению и воспитанию принадлежал к литературным кругам в Карфагене. См.: *Barnes T.D. Tertullian: a historical and literary study*. 2nd ed. Oxford, 1985. P. 195.

²² Эрудиция Тертуллиана проявляется не всегда, «потому что он стремится к эффективному использованию своих аргументов и чужд пустого хвастовства» (*Barnes*. Op. cit. P. 204).

выше отрывков, в которых упоминаются «Castor», «Castores», «Castor et Pollux», изложение разных гипотез язычников относительно того, кто был отцом каждого из братьев, и чем каждый из них прославился, не соответствует цели автора. Имея перед собой более, чем один вариант мифа, но не желая вдаваться в подробности даже одного из них, Тертуллиан использует своеобразную метонимию, называя Поллукса чаще встречающимся²³ именем его брата. Упрощение же мифа, при котором оба персонажа (целое) называются именем одного (части) («синекдоха»), встречаем во второй книге «К язычникам» (10), где Тертуллиан, излагая историю Ларентины почти так же, как Плутарх (*Ромул*, 5), говорит, однако, об этой блуднице, прозванной «волчицей», как о кормилице Ромула (II 10, 1), а не Ромула и Рема, хотя по Плутарху (*Ромул*, 4 и 6), волчица (или блудница) вскормила обоих братьев²⁴.

Менелай, зять Диоскуров, также имел культ в Спарте. Афинагор в «Прошении о христианах» (14) упрекает язычников в том, что они, обвиняя христиан в безбожии, расходятся друг с другом в вопросе богочитания. Лакедемоняне, по словам апологета, считают Менелая богом, приносят ему жертвы и совершают в его честь празднества, а троянцы, отвергая его, чтут Гектора. Шуринов Менелая Афинагор не называет. Совершенно по-другому трактует образ незадачливого мужа Елены Тертуллиан. В сочинении «О душе» (34, 2-5) он высмеивает утверждение Симона Самаритянина о том, что выкупленная им из публичного дома Елена является воплощением жены Менелая, «пагубнейшей для Приама, а впоследствии для глаз Стесихора» (34, 4), пострадавшей и от поэтов, и от еретиков, опозоренной тогда прелюбодейством, теперь развратом. «Разве только, – замечает автор, – из Трои она освобождается более славно, чем из публичного дома, благодаря тысяче кораблей, а не тысяче динариев». Сам Симон также уступает Менелая: «Устыдись, Симон, более медлительный в поисках, более непостоянный в избавлении. Менелай, напротив, сразу преследует утраченную, сразу требует назад отнятую, спасает ее в десятилетних сражениях» (34, 5). Тертуллиан подчеркивает слабость гностичес-

²³ Катулл (4, 27) обращается к Поллуксу «о брат Кастора!» (gemelle Castoris). Ср.: Овидий. *Скорбные элегии*. IV. 5, 30. Р. Грейвс объясняет тот факт, что именно Кастор, а не Полидевк является знаком военных дел произошедшими изменениями в царской власти, когда танист начинает исполнять обязанности визиря и главнокомандующего. См.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 194.

²⁴ См.: *Братухин А.Ю.* Диоскуры у Тертуллиана// *Политика и культура в контексте истории (Исследования по консерватизму)*. Вып. 5: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Л.Е. Кертмана). Пермь, 1998. С. 63-67.

ких подобий по сравнению с их языческими образцами. Кроме того, он, очевидно, чувствовал, что язычники представляют меньшую опасность для церкви, чем гностики, и в соответствии с этим стремился унижить последних за счет возвышения мифологических персонажей.

Кроме Диоскуров и Менелая церковные писатели сообщают и о других почитаемых в Спарте богах и героях. Отстаивая право христиан на поклонение их Богу, Афинагор перечисляет тех, кого чтут разные народы. В частности, в Лакедемоне, по его словам, боготворят Агамемнона-Зевса и Филоною, дочь Тиндарея (*Прошение...* 1). О существующем в Спарте культе Зевса-Агамемнона со ссылкой на Стафила говорит также Климент Александрийский (*Увещевание...* 38, 2)²⁵. Тот же упоминает Зевса Итомского, которому в жертву мессенец Аристомен заколол триста человек, в том числе и царя лакедемонян Теопомпа (*Увещевание...* 42, 2). Павсаний предполагает, что этот Зевс пользовался поклонением и у спартанцев (*Описание Эллады*. III 26, 6). Говоря о почитаемых в разных городах так называемых «даймонах», Климент сообщает, что у лаконцев почитается Атрабак (*Увещевание...* 40, 2)²⁶.

Спартанские мифологические персонажи, в отличие от египетских и римских божеств, в отличие от Деметры и Персефоны, в честь которых в Аттике справлялись Элевсинские мистерии²⁷, в отличие от Асклепия²⁸ и многих других богов и богинь, не вызывают у ранних Отцов Церкви почти никаких отрицательных эмоций. Менелай, как мы видели, даже заслужил похвалу Тертуллиана. Если супруг Елены, а тем более Атрабак, не будучи популярными, не представляли угрозы новой религии, то Диоскуры, чье место спустя несколько веков займет покровитель моряков Св. Николай, почитались не только в Лакедемоне. Тем не менее, христианская критика щадит их²⁹. Этот факт, на мой взгляд, объясняется тем, что Кастор и Поллукс не являлись «соперниками» Христа, подобно целителю Асклепию (Эскулапу)³⁰. Им не были посвящены мистерии. Они не походили ни на

²⁵ Ниже (38, 3) он, ссылаясь на Сосибия, рассказывает о том, что в Лаконике есть храм Артемиды Подагры.

²⁶ Ср.: Павсаний. *Описание Эллады*. III 16, 6.

²⁷ См.: Климент Александрийский. *Увещевание...* 2-18, 2.

²⁸ Ср.: *Edelstein E.J., Edelstein L. Asclepius. A collection and interpretation of the testimonies.* Baltimore. 1945. Vol. 2 [2]. P 132-133.

²⁹ Христиане щадил и самих спартанцев в отличие, например, от афинян или римлян (ср.: Тертуллиан. *К язычникам*. II. 9, 2-5; II. 14, 14). Любопытно, что спартанцы считались родственниками иудеев. В Книге Маккавейской приводится письмо спартанского царя евреям (I. 12, 20-23), где сказано: «Найдено в писании о спартанцах и иудеях, что они – братья и от рода Авраама» (12, 21; ср. II Макк. 5, 9).

³⁰ Ср.: *Vermander J.-M. La polémique de Tertullien contre les dieux du paganisme //Revue des sciences religieuses.* 1979. T. 53. P. 120-121; *Преображенский П.Ф.*

Спартанские мифологические персонажи

зооморфных богов Египта, ни на одиозных римских богов, вроде блудницы Ларентины или Стеркула.

Итак, Спарта не дала миру богов, представлявших опасность для христианской религии. В Лакедемоне не существовало ни своих Дельф, ни своего Элевсина. Местные мифы, культы и обряды, не отличающиеся пышностью и великолепием³¹, не заинтересовали язычников за пределами Спарты и поэтому не привлекли к себе особого внимания и Отцов Церкви.

Lacedaemoniae mythicae personae in operibus Patrum Ecclesiae

A. Bratuchin

Lacedaemoniae mythicae personae, Castor, Pollux et ceteri, non talia odia Patrum in se converterunt, ut dei et heroes aliorum gentium (exempli gratia dei Romanorum et Aegyptiorum). Non est mirabile Menelaum, qui in imperio Romano illustrem cultum non haberet, meruisse sui generis laudem Tertulliani: illum esse multo gloria digniorem haeretico Simone. Dioscuri autem, patroni nautarum, qui erant passim venerabiles non minus quam Ceres vel Aesculapius, non accusabantur sic ardentem a Patribus, ut ii di. Explanatio huius rei potest quaeri in eo facto, ut Tyndarides non essent, instar Mithrae, adversarii Christi; in honorem geminorum non facerentur mysteria, denique ii non essent similes bestiarum vel odiosarum personarum, instar meretricis Larentinae et Sterculi. Sparta non dedit mundo deos, qui minabantur christianitati suam gloriam. Lacedaemon non habebat neque suum Delphicum oraculum neque sua Eleusinia sacra. Locales cultus et ritus Spartaе non excitabant studium ethnicorum et iram Christianorum.

Тертуллиан и Рим//Преображенский П.Ф. В мире античных идей и образов. М., 1965. С. 269.

³¹ На вопрос, почему он установил такие умеренные и простые жертвоприношения, легендарный законодатель Ликург ответил, что это сделано для того, чтобы спартанцы никогда не переставали почитать божество (Плутарх. *Ликург*. 19).